

Минобороны РФ по увековечению памяти погибших при защите Отечества. Это управление является в России главным по подсчету военных потерь (раньше оно называлось Военно-мемориальным центром). По мнению Александра Кириллина, цифру в 26,6 млн, конечно, нельзя назвать абсолютно точной, но в отличие от всех предыдущих она является документально обоснованной. С ним согласен профессор Историко-архивного института Российской государственной гуманитарной университета Иван Анферьев:

– В серьезных научных кругах, в том числе зарубежных, официальную оценку общих потерь Советского Союза в 26,6 млн человек считают вполне правдоподобной. Но эта цифра обозначает, скорее всего, нижний предел всех потерь. О верхнем мы никогда не узнаем, объективно рассчитать его невозможно. Понятно только, что погибших было гораздо больше.

Двадцатилетний капитан

Марк Иванихин оказался на войне в 18 лет и дошел до Берлина. Его «катюши» наводили страх на противника, а его солдаты были ему как семья.

Он прошел Сталинград и Курску дугу, освобождал Полынь, штурмовал Берлин. Награду на Марка Павловича огромное количество. Орден Александра Невского, орден Отечественной войны 1-й степени, два ордена Отечественной войны 2-й степени, медали «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За освобождение Warsaw», «За взятие Берлина». И это еще не полный список.

Сейчас Марк Иванихин – председатель Совета ветеранов Восточного административного округа Москвы. В его кабинете постоянно кипит работа. Приносят на подпись документы, проходят переговоры, постоянно звонят телефон. Идет подготовка к 70-летию Великой Победы. Мероприятий много, приходится все успевать, несмотря на возраст. Марку Павловичу скоро исполнится 93 года, но он полон сил.

Войну полковник помнит, как будто она была вчера. Когда началась война, Марк Иванихин был курсантом 1-го Московского артиллерийского училища. Оно выпустило первый офицеров, воевавших на «катюшах». Там же преподавал отец Марка Павловича. Будущий командир батареи всегда мечтал о военной карьере, но не думал, что в бой придется идти так скоро.

– 22 июня я ехал в Большой театр за билетами на оперу, – рассказывает Марк Павлович. – Трамвай затормозил на остановке под названием «Коровий брод», там находился большой ремонтник. И тут из него раздалось сообщение об объявлении войны. Уже дома мы с отцом быстро собирались и отправились в училище.

В начале октября 1941 года курсантский дивизион М-13, где служил Марк Павлович, выдвинулся на фронт, под Волоколамск. Всюду до 30 октября, а после всех вызвали обратно в училище. Там стали проводить серьезную ст�овую подготовку. Иной раз по 12 часов в день. Единственный отдыхом был сон на нарах в блокаде. Как оказалось, курсантов готовили к па-

Немец бросал на нас невероятное количество танков, авиация ходила чуть ли не по головам. Нас давили, взрывали и расстреливали

много тяжелых боев, смертей, риска и тягот войны. Тысячу раз мог погибнуть, однако Марк Павлович даже не был серьезно ранен – повезло. Благодаря отцу этого святого Сергея Радонежского. Еще в 9-м классе нашему героям довелось побывать на экскурсии в Троице-Сергиевой лавре и прикоснуться к раке с мощами величайшего подвижника русской земли. Его заступничество Марк Павлович чувствовал все долгое и страшное военное время. Снаряд, упавший всего в четырех метрах от комбата, не разорвался. Спас неисправный взрыватель, а это вероятность один к миллиарду. В другой раз получилось проехать по минному полю ночью, без света фар, не зная ни одной мины. А в деревне Козычево во время бомбежки и обстрела Марк Павлович лежал на открытой местности (не успел добраться до укрытия) и не был задет... Но в памяти сохранились и самые жуткие моменты войны.

– Самый страшный бой – это

такая месть злости тогда взяла на немцев, – говорит Марк Иванихин. – И потом я видел и освобождал другие лагеря. Насущные фабрики смерти. Надо иметь нечеловеческий разум, чтобы такое организовать. Если мы заставили кого-то из охраны или работников лагеря, сразу расстреливали...

Одним из первых Марк Павлович вошел в Берлин в 1945-м. Город оказывал сильное сопротивление, бои были кровавыми. Но больше всего молодому комбату запомнилась рейхсцелия. Там он увидел трупы Геббельса, его жены Магды и их отправленных детей. Неподалеку обнаружились и обугленные тела Гитлера, Евы, их собаки. Однажды Марк Павлович не берется утверждать, что это был именно фюрер... В разрушенной немецкой столице наконец-то пришло осознание победы и конца войны. На одной из колонн Рейхстага Марк Иванихин оставил надпись: «Я к вам пришел из Москвы, чтобы вы

Наталья ШУХНО

шым мужем. Вместе мы прошли все у Тамары родилось четверо детей.

Семья Брускиных вернулась в СССР и поселилась в Пскове. Здесь Тамара смогла продолжить образование – окончила черновой дым, полетели комья земли... Я очнулась в госпитале. Первым делом, открыла глаза, спросила, как тот парень, которого я вытаскила из под обстрела. Сказали, жив. К счастью, и меня врачи выхолили. И я снова отправилась на фронт.

Дорога на запад

После ранения Тамара Карапасюк была переведена на должность писаря. Как-то раз на железнодорожной станции под Херсоном обаятельная Тамара заговорилась с группой солдат.

Их состав отправлялся на запад. Среди красноармейцев был скромный и симпатичный боеприпас Тамара Карапасюк. Под артиллерийско-минометным огнем Тамара эвакуировалась в тыл 16 человек.

«Так я познакомилась с будущим

всего Тамары родилась в 1942 году. Семья Брускиных вернулась в СССР и поселилась в Пскове. Здесь Тамара смогла продолжить образование – окончила школу, получила аттестат в 1950 году. Окончила Ленинградский государственный педагогический институт, а затем Псковский пединститут. Получила профессию педагога – преподавала в школах истории, обществознания, немецкий язык.

В Будапеште мы и получили радостную весть о капитуляции фашистской Германии», – вспоминает Тамара Семеновна.

Небо над Будапештом светилось от огней, содрогалось от залпов и радостных криков людей...

Будапешт – Псков – Донецк

Вскоре она стала уже Карапасюк, а Брускина. Через год в Румынии родился старший сын. А

Пожелтевшая бумага хранит запах дома, запах дороги, пороха, слез, тепло дрожащих пальцев, прикасавшихся к заветным строкам.

Сотрудница нашей газеты Лариса Еремеева принесла в редакцию подборку писем – часть хранящейся в семье переписки офицера Михаила Малосая, его жены Ольги и дочери-школьницы Жанны (бывшей свекрови Ларисы). В этой переписке – история взросления духовного роста и любви, история одной семьи, в которой легко читается история миллионов других семей, прошедших через войну.

– Мне как командиру падать духом вообще было нельзя. Хоть немного испугаться и заснуть – это моментально пересдается подчиненным. А они должны в тебя верить. И человекское отношение – это главное.

– Марк Павлович, – говорит Марк Иванихин, – я никогда не забуду выступление Сталина. Он тогда сказал, что война продлится полгода-годик. Но мы понимали, что гнать фашистов придется намного дольше.

После курсанты доучивались в Миассе, на Урале. И по окончании училища Марка Иванихина назначили в 79-й Гвардейский минометный полк. Было

– Такая месть злости тогда взяла на немцев, – говорит Марк Иванихин. – И потом я видел и освобождал другие лагеря. Насущные фабрики смерти. Надо иметь нечеловеческий разум, чтобы такое организовать. Если мы заставили кого-то из охраны или работников лагеря, сразу

расстреливали...

Подобные традиции он продолжает и по сей день. На своей должности неустанным проявлял заботу о ветеранах своего ведомства. Пенсии ведь невелики, и родственники едва далеко не у всех. Приходится и в больницу людей устраивать, и братья падать на колени, чтобы оставить им место в тела и сина.

– Марк Павлович старается ни о ком не забыть, для всех устроить память на могиле, чтобы оставить

запах дома, запах дороги, запах пороха, запах слез, тепло дрожащих пальцев, прикасавшихся к заветным строкам.

– Марк Павлович, – говорит Марк Иванихин, – я никогда не забуду выступление Сталина. Он тогда сказал, что война продлится полгода-годик. Но мы понимали, что гнать фашистов придется намного дольше.

После курсанты доучивались в Миассе, на Урале. И по окончании училища Марка Иванихина назначили в 79-й Гвардейский минометный полк. Было

– Такая месть злости тогда взяла на немцев, – говорит Марк Иванихин. – И потом я видел и освобождал другие лагеря. Насущные фабрики смерти. Надо иметь нечеловеческий разум, чтобы такое организовать. Если мы заставили кого-то из охраны или работников лагеря, сразу

расстреливали...

Подобные традиции он продолжает и по сей день. На своей должности неустанным проявлял заботу о ветеранах своего ведомства. Пенсии ведь невелики, и родственники едва далеко не у всех. Приходится и в больницу людей устраивать, и братья падать на колени, чтобы оставить

запах дома, запах дороги, запах пороха, запах слез, тепло дрожащих пальцев, прикасавшихся к заветным строкам.

– Марк Павлович, – говорит Марк Иванихин, – я никогда не забуду выступление Сталина. Он тогда сказал, что война продлится полгода-годик. Но мы понимали, что гнать фашистов придется намного дольше.

После курсанты доучивались в Миассе, на Урале. И по окончании училища Марка Иванихина назначили в 79-й Гвардейский минометный полк. Было

– Такая месть злости тогда взяла на немцев, – говорит Марк Иванихин. – И потом я видел и освобождал другие лагеря. Насущные фабрики смерти. Надо иметь нечеловеческий разум, чтобы такое организовать. Если мы заставили кого-то из охраны или работников лагеря, сразу

расстреливали...

Подобные традиции он продолжает и по сей день. На своей должности неустанным проявлял заботу о ветеранах своего ведомства. Пенсии ведь невелики, и родственники едва далеко не у всех. Приходится и в больницу людей устраивать, и братья падать на колени, чтобы оставить

запах дома, запах дороги, запах пороха, запах слез, тепло дрожащих пальцев, прикасавшихся к заветным строкам.

– Марк Павлович, – говорит Марк Иванихин, – я никогда не забуду выступление Сталина. Он тогда сказал, что война продлится полгода-годик. Но мы понимали, что гнать фашистов придется намного дольше.

После курсанты доучивались в Миассе, на Урале. И по окончании училища Марка Иванихина назначили в 79-й Гвардейский минометный полк. Было

– Такая месть злости тогда взяла на немцев, – говорит Марк Иванихин. – И потом я видел и освобождал другие лагеря. Насущные фабрики смерти. Надо иметь нечеловеческий разум, чтобы такое организовать. Если мы заставили кого-то из охраны или работников лагеря, сразу

расстреливали...

Подобные традиции он продолжает и по сей день. На своей должности неустанным проявлял заботу о ветеранах своего ведомства. Пенсии ведь невелики, и родственники едва далеко не у всех. Приходится и в больницу людей устраивать, и братья падать на колени, чтобы оставить

запах дома, запах дороги, запах пороха, запах слез, тепло дрожащих пальцев, прикасавшихся к заветным строкам.

– Марк Павлович, – говорит Марк Иванихин, – я никогда не забуду выступление Сталина. Он тогда сказал, что война продлится полгода-годик. Но мы понимали, что гнать фашистов придется намного дольше.

После курсанты доучивались в Миассе, на Урале. И по окончании училища Марка Иванихина назначили в 79-й Гвардейский минометный полк. Было

– Такая месть злости тогда взяла на немцев, – говорит Марк Иванихин. – И потом я видел и освобождал другие лагеря. Насущные фабрики смерти. Надо иметь нечеловеческий разум, чтобы такое организовать. Если мы заставили кого-то из охраны или работников лагеря, сразу

расстреливали...

Подобные традиции он продолжает и по сей день. На своей должности неустанным проявлял заботу о ветеранах своего ведомства. Пенсии ведь невелики, и родственники едва далеко не у всех. Приходится и в больницу людей устраивать, и братья падать на колени, чтобы оставить

запах дома, запах дороги, запах пороха, запах слез, тепло дрожащих пальцев, прикасавшихся к заветным строкам.

– Марк Павлович, – говорит Марк Иванихин, – я никогда не забуду выступление Сталина. Он тогда сказал, что война продлится полгода-годик. Но мы понимали, что гнать фашистов придется намного дольше.

После курсанты доучивались в Миассе, на Урале. И по окончании училища Марка Иванихина назначили в 79-й Гвардейский минометный полк. Было

– Такая месть злости тогда взяла на немцев, – говорит Марк Иванихин. – И потом я видел и освобождал другие лагеря. Насущные фабрики смерти. Надо иметь нечеловеческий разум, чтобы такое организовать. Если мы заставили кого-то из охраны или работников лагеря, сразу

расстреливали...

Подобные традиции он продолжает и по сей день. На своей должности неустанным проявлял заботу о ветеранах своего ведомства. Пенсии ведь невелики, и родственники едва далеко не у всех. Приходится и в больницу людей устраивать, и братья падать на колени, чтобы оставить

запах дома, запах дороги, запах пороха, запах слез, тепло дрожащих пальцев, прикасавшихся к заветным строкам.

– Марк Павлович, – говорит Марк Иванихин, – я никогда не забуду выступление Сталина. Он тогда сказал, что война продлится полгода-годик. Но мы понимали, что гнать фашистов придется намного дольше.

После курсанты доучивались в Миассе, на Урале. И по окончании училища Марка Иванихина назначили в 79-й Гвардейский минометный полк. Было

– Такая месть злости тогда взяла на немцев, – говорит Марк Иванихин. – И потом я видел и освобождал другие лагеря. Насущные фабрики смерти. Надо иметь нечеловеческий разум, чтобы такое организовать. Если мы заставили кого-то из охраны или работников лагеря, сразу

расстреливали...

Подобные традиции он продолжает и по сей день. На своей должности неустанным проявлял заботу о ветеранах своего ведомства. Пенсии ведь невелики, и родственники е